

Характер современной системы международных отношений

Распад биполярного мира и появление новой системы международных отношений в мире в начале 90-годов были по разному восприняты в бывших полюсах. Американская сторона связывала безопасность США с «расчленением» СССР, уже практически не существовавшего в качестве реального противника. В этих целях министр обороны США Д. Чейни настаивал на активном использовании дезинтеграционных процессов в СССР, предлагая немедленно признать независимость Украины, а государственный секретарь Дж. Бейкер высказался за мирное расчленение советской державы. Такой же была позиция самого президента Дж. Буша, исходившего из того, что «...в идеале наилучшим исходом было бы раздробление на ряд независимых государств, ни одно из которых не обладало бы внушающий страх мощью Советского Союза» [163, с.296]. Тем самым США, не принимая на себя обязательства, ограничивающие собственные устремления, добивались раздробления советского полюса, с тем, чтобы не иметь дело в будущем с конкурентом, равным себе. Пользуясь резким ослаблением позиций советской сверхдержавы на последних стадиях ее существования и скоротечным распадом двухполюстности, американская дипломатия добивалась односторонних выгод при решении таких, например, вопросов, как масштабы и темпы сокращения ядерных и обычных вооружений или закрепление в правовом отношении условий нерасширения НАТО на Восток.

В начале 90-годов XX века Соединенные Штаты Америки получили уникальную возможность для претворения в жизнь основного постулата «отца американской внешнеполитической идеологии» Г. Моргентау о реализации вечных национальных интересов страны [181, с.12-24]; перед США открылись широкие просторы для глобального доминирования. С одной стороны, прекращение глобальной конфронтации в условиях «самороспуска» враждебного блока означало исчезновение реальной военной угрозы США и превращение их в единственную военную сверхдержаву. Соединенные Штаты стали не только практически неуязвимыми перед масштабным военным нападением, но и обрели гораздо большую свободу стратегического маневра. Кроме того, в результате распада СССР и всего социалистического лагеря открывались широкие возможности для сотрудничества США с государствами, входившими в советский блок, и новыми государствами на пространстве бывшего СССР, для распространения там американского влияния.

Запад изначально ассоциировал исчезновение полюсного противостояния и блоковой конфронтации уничтожением советского полюса. Отношение западного мира к агонизирующему СССР и затем постсоветским республикам базировалось на принципе «победитель-побежденный». То, что сделалось с бывшей сверхдержавой, было воспринято как уступки «врага, сдавшегося без боя». Никто не собирался церемониться с теми, кто остался на руинах некогда могущественной державы, разложившейся изнутри.

Американский политический, внешнеполитический истеблишмент был готов к новой роли США в новом мире в качестве гегемона [231, с. 16].

Первым ввел в оборот понятие «однополярный мир» и стал писать о США как о единственной сверхдержаве известный американский публицист Ч. Краутхаммер. «Преобладание Америки основано на том, что она является единственной страной, имеющей необходимую военную, дипломатическую, политическую и военную мощь, чтобы быть решающим участником любого конфликта в любом регионе по своему выбору. Право и обязанность США - использовать всю свою мощь для того, чтобы «вести за собой однополярный мир, без стеснения устанавливая правила этого миропорядка и обеспечивая их соблюдение» - писал Ч. Краутхаммер, демонстрируя желания американских политических и академических кругов легитимизировать доминирующее положение Америки в новых геополитических условиях [195, p.17]. Данный ракурс видения проблемы наглядно продемонстрирован в концепциях двух известных американских политологов, фактически заполнивших идейно-теоретический вакуум, образовавшийся в начале 90 годов XX века после исчезновения полюсного противостояния. Речь идет о «конце истории» Ф. Фукуямы и «столкновении цивилизаций» С. Хантингтона. Несмотря на внешние принципиальные расхождения обе концепции имеют самое прямое отношение к установкам власти и легитимации мероприятий, основанных на устаревшем понимании международной безопасности, что указывает на их прямую связь с парадигмой политического реализма. В этом свете обращает на себя внимание, что обе названные концепции исходят в своей трактовке природы международных отношений именно из распределения силы и решающей роли насилия в мировой политике. В обеих концепциях рассуждения о необходимости сохранения мира и демократии выливаются в апологию однополярного мира под эгидой США или же в поиски врага, утраченного с окончанием холодной войны.

Известнейший американский политолог Збигнев Бжезинский прямо, без обиняков указал адрес мирового центра власти: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия» [232, с.40-41]. По мнению Зб. Бжезинского важнейшим следствием победы Запада над Советским Союзом в холодной войне и исчезновения одной из двух сверхдержав является то, что ответственность за судьбы мира ложится на оставшуюся единственной сверхдержаву - США, а ее возможности позволяют обеспечить не только защиту, но и распространение ценностей демократии, индивидуализма и рыночного общества во всем мире. Наступление Рах Americana продемонстрировал уже вооруженный конфликт в зоне Персидского залива, в результате которого стало ясно, что миру придется согласиться с мягкой американской гегемонией, утверждает Бжезинский. Близких позиций придерживается и Г. Киссинджер, хотя он не столь прямолинеен в их обосновании. С его точки зрения, победа США в холодной войне возлагает на

них нелегкую, но вполне посильную миссию единственного лидера в поддержании равновесия сил в мире. В то же время он выступал против ведущей роли США в экспансии НАТО, полагая, что это дело, прежде всего, самой Западной Европы.

Концепция «униполярности», выработанная сотрудником госдепартамента США А. Л. Страусом, была теоретизированным вариантом попыток придания легитимности американскому доминированию: «Униполярность представляет собой конечную точку определенной эволюции, начавшейся в ранние времена модерна с образованием многополярного баланса могущества, который в XX в. стал биполярным. Этапы как бы обречены печатью неизбежности: многополярность, биполярность, униполярность». Последующие рассуждения автора относительно того, что «всеобщий униполяризм — или отсутствие внешнего баланса могущества — в сочетании с элементом многополярности во внутреннем балансе влияния» обеспечивают лидерство Америки внутри униполя, которое «носит характер первенства среди равных», отнюдь не отменяет главного вывода, ради которого, по большому счету, и строилась вся теория. Суть его в следующем: «На смену существовавшим в рамках многостороннего баланса параллельным империям соперничающих держав пришла возникшая в большей части мира система гегемонии, действующая при посредстве концентрических кругов: в самом ее ядре — Америка» [200, с. 27-32].

Но американское превосходство в качестве гегемона современного мира стало оспариваться тем, что к концу XX века на поведение мирового сообщества все сильнее начинают оказывать влияние новые движущие силы, отличные от тех, которые традиционно действовали в рамках Вестфальской системы. Усиление процессов глобализации, демократизация международных отношений оказывают прямое и опосредованное влияние на формирование конструкции глобальной системы. Международные процессы последнего десятилетия указывают на то, что мир слишком велик и политически сложен, чтобы уместить его в рамки однополярного мира. Также невозможно обнаружить активность новых системообразующих сил и их движение в сторону если не консолидации, то хотя бы корреляции намерений. Трансфертный характер современной системы международных отношений с самого начала 90-годов XX-века является тем фактом, который подтверждает тезис о невозможности абсолютного господства отдельно взятой державы при условиях транснационализированного мира. Причем переходное состояние глобальной международной системы не остается неопределенной, вырисовывается тенденция, направленная в сторону коллективных начал в мировой политике. Если учесть, что даже в годы биполярного противостояния латентно присутствовали элементы полицентричности, то распад этой системы теоретически должен был высвободить центробежные силы, ведущие к многомерности мировой экономической и международной систем. Но вместе с ними получили свободу действий все те намерения, которые в течение 90-годов XX века сотрясали мир, влившись в кровополитные этнополитические столкновения в разных частях земного шара. В таких

условиях США на непродолжительное время получили в свои руки «пульты управления» мировым процессом принятия политических решений благодаря колоссальным внешнеполитическим ресурсам. Этому способствовал экономический подъем в стране, который длился до конца 90-годов XX века.

Мнения ученых и экспертов, в том числе и американских, сходятся в том, что «американский век» закончился в первые же годы нового XXI века. Ряд ученых утверждает, что по сути абсолютной однополярности быть не может в силу уплотненности международной среды в условиях глобализации. Римская империя как центр мира в эпоху седой античности не может служить историческим аналогом, потому что, международная среда тогда была слишком уж разряженной по сравнению с современной стадией развития. Также усилившаяся полифункциональность мировой политики ограничивают лидерские возможности США, вынуждая создавать вокруг себя кольцо из спутников и единомышленников. Недаром перед каждой «глобальной акцией» американская дипломатия в поте лица трудится над убеждением мирового сообщества в важности планируемого мероприятия и сколачиванием коалиции союзников. Америка имеет в своих руках рычаги финансово-экономической власти в мире, но логика наступившей геэкономике и вопросы ресурсного обеспечения мировой экономики заставляют впускать в процесс принятия решений сильных акторов. Эти свойства американского унитаризма наиболее удачно зафиксированы в работах японского ученого Ахихико Танака По его схеме современный мир является одновременно одно-, трех- и пятиполярным. Он является однополярным в том смысле, что только США обладают абсолютным превосходством над всеми странами мира по совокупности своих возможностей. Международные отношения трехполярны, если речь идет об экономике. Здесь роль полюсов играют национальные государства, экономически самые сильные в мире: США, Япония и Германия. Мир предстает пятиполярным в организационно-политическом отношении. США, Россия, Китай, Великобритания и Франция являются организационно-политическими полюсами мира в той мере, как эти страны обладают, по мнению Танака, во-первых, обширным опытом участия в управлении мировой политикой и принятии ключевых международных решений; во-вторых, наличием каналов и возможностей для участия в миросистемном регулировании [209, р. 25-27]. Схема А.Танака отражает условный и эфемерный характер однополярного мира.

Определение российским ученым А.Д. Богатуровым характера системы международных отношений как «плюралистическая однополярность» наилучшим образом подходит к реалиям конца 90-годов XX века. «Типологически эта структура может быть отнесена к комбинированным. Но она складывается преимущественно, в основном в рамках вектора однополярного развития. Это, конечно, не однополярность в чистом виде – в той мере, как источником направленных импульсов в мировой политике оказываются не единолично США, а Соединенные Штаты в плотном окружении стран «семерки», сквозь призму или фильтры которой преломляются, становясь более умеренными, так или иначе, меняя свою

направленность собственно американские национальные устремления. Новая однополярность обещает быть однополярностью смягченного, «плюралистического» типа, в рамках которого сильнейшая держава мира, по видимому, не будет обладать возможностями жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира, хотя может пользоваться труднооспоримым влиянием» [228, с.291]. Идея Богатурова в полной мере учитывает мощь США в качестве лидера современного мира, хотя и окруженного критически настроенным сообществом. Главным аргументом в пользу доминирования Америки он считает то, что США по своей мощи далеко ушли в отрыв от тех, кто претендует на участие в решении глобальных дел и пока на горизонте нет такого образования, которое сравнилось с США в военно-политическом плане.

Но американская военно-политическая, экономическая мощь недолго служила аргументом для убеждения мировой общественности в несомненном превосходстве США. Вдумчивый и тщательный анализ состояния американского государства в начале XXI века, предпринятый рядом ученых и экспертов, показал, что у США не так много сил и возможностей для выполнения своей «глобальной миссии». Одним из первых усомнился в состоятельности сложившихся представлений об американском могуществе французский исследователь Эмманюэль Тодд. В своей книге «После империи. Рах Америка – начало конца» вышедшей в 2002 году на основе анализа многочисленных данных он делает заключение об охватившем Америку кризисе и как следствие, наступлении конца американского господства. По его мнению воинственность американцев (военные акции в различных регионах планеты) в деле урегулирования мировых проблем не показатель их силы, наоборот, слабости. Америкой движет страх оказаться в изоляции, стать бесполезным игроком на мировой арене, потому что, она не может обойтись без остального мира, тогда как мир научился обходиться без США. Отсюда страсть американцев к «театральному милитаризму», который выражается в затяжных, безрезультатных военных акциях против стран, намного уступающим в силе. Америка не решает проблемы, она их консервирует для обоснования и сохранения своей роли в качестве спасателя человечества и мира на земле [205, с.73]. Несмотря на некоторый гиперболизм, идеи Тодда предвосхитили сегодняшние реалии в международных процессах. То, что появление его книги в 2002 году вызвало большой интерес и стало самым обсуждаемым событием в академическом мире, говорит о злободневности и востребованности научных поисков по пониманию истинной картины современного мира.

Точку на однополярности во главе с США поставили и сами американские исследователи. Известный американский теоретик международных отношений Ричард Хаас так и написал: «Прощай, однополярность!». «Чарльз Краутхаммер оказался прав больше, чем сам это осознавал, когда почти два десятилетия назад на страницах *Foreign Affairs* обозначил сложившуюся геополитическую ситуацию как «момент однополярности». Тогда доминирующее положение США было реальным. Но

оно продлилось всего лишь 15 или 20 лет. Для истории это одно мгновение» - пишет он в своей работе «Эпоха бесполярного мира». Теперь Америка не в силах удерживать в своих руках бразды правления и показателем этого является следующая картина мира: «Другие государства, вероятно, останутся глухи к призывам американцев реформироваться, американские программы помощи будут иметь меньшую отдачу, санкции, вводимые США, окажутся менее эффективными. В конечном счете страной, которая смогла повлиять на Северную Корею по вопросу о ее ядерной программе, оказался Китай. Давление Вашингтона на Тегеран было усилено благодаря поддержке нескольких западноевропейских стран и ослаблено из-за нежелания Китая и России вводить санкции против Ирана. Пекин и Москва снизили эффективность международного воздействия на правительство Судана, с тем чтобы оно прекратило войну в провинции Дарфур. Способность игнорировать настойчивые требования Соединенных Штатов неоднократно демонстрировал Пакистан, то же можно сказать о Венесуэле, Зимбабве, Иране и Северной Корее» [232, с. 17].

Примечательно название книги другого американского специалиста в области международных отношений Ч. Капхена: «Закат Америки: Уже скоро». По его мнению абсолютное превосходство Америки невозможно с точки зрения логики развития современного мира. Замена индустриальной эпохи эрой цифровых технологий девальвирует значение тех институтов, на которых держалась мощь американского государства. Продолжая эту линию рассуждений, Ч.Капхен подчеркивает, что «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается «смутными временами», из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать (и выражаться) возврат к мультиполярному миру и растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки. «Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста, что ведет к более равномерному распределению ресурсов развития и контроля за природными богатствами. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости встраивания интересов формирующихся центров силы – Китая, Индии, Бразилии – в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США [199, с. 52].

Джордж Фридман, американский политолог и публицист, основатель и ведущий эксперт частной корпорации «Stratfor», специализирующейся на информации и анализе в сфере геополитики, в своей работе «Новый президент и глобальный ландшафт» жестко и без риторических прикрас анализирует задачи и перспективы внешней и военной политики США в конце первой декады XXI века. Из его работы следует, что внешняя политика Буша была

некорректно выстроенной в том плане, что она не смогла адекватно реагировать на появляющиеся вызов и угрозы американским интересам как в глобальном, так региональном масштабах и действовать в нужном направлении. По мнению Фридмана главным препятствием в реализации внешнеполитических интересов США является ограниченность ресурсов. Сегодня Америка неспособна стоять на страже мира, находясь одновременно и в Ираке, и в Афганистане. Возможно, он выражает мнение определенных кругов, заинтересованных финансово и экономически в милитаризме, когда делает вывод о необходимости увеличить военные расходы для того, чтобы противостоять нарастающей опасности со стороны России, но интересной в его работе является основная идея о несостоятельности представлений о США, как о могущественной супердержаве, обладающей колоссальной военно-политической мощью [204].

С мнением о потере США руководящей роли на мировой арене согласны Зб. Бжезинский, Ф. Фукуяма и К. Лейн. Они пытаются раскрыть причины провала усилий по закреплению американоцентричного мирового порядка и высказать предложения по исправлению допущенных ошибок. В новой работе З. Бжезинского «Второй шанс» неоконсерватизм в США определяется как «подновленная версия империализма», не имеющая ничего общего с новыми глобальными реалиями и общественными течениями. Администрация Дж. Буша не смогла выработать по-настоящему новый взгляд на мир. Она, сверх того, не учла необходимость найти в его архитектуре место для России, Китая и других важных игроков – место, приемлемое не только для Вашингтонских политиков, но и для самих этих стран [193, с.37].

Если однополярная система международных отношений во главе с США уже ушла или уходит с исторической авансцены, то, что пришло на ее место? И если США больше не могут принимать односторонние решения и реализовать их, то какие силы определяют сегодня судьбу отдельных стран и целых регионов? При осмыслении этих непростых вопросов на ум сразу приходит идея о многополярности современной системы международных отношений, которая считается состоятельной благодаря историческим аналогам в XIX и до 40- годов XX века.

По мнению ряда ученых и политических деятелей, исчезновение идеологического возбудителя мировой политики в виде противоборства «коммунизм - антикоммунизм» позволяет вернуться к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для более ранних этапов Вестфальской системы. В этом случае распад биполярности предполагает образование многополярного мира, полюсами которого должны стать наиболее могущественные державы, сбросившие с себя ограничения корпоративной дисциплины в результате дезинтеграции двух блоков, миров или содружеств. Известный ученый и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывает, что формирующиеся после холодной войны международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX в., когда традиционные национальные интересы и меняющееся

соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов, изменение сфер влияния [192, p.23-24].

В США идея о многополярности, установившейся после ухода биполярности, еще в 1992-1994 годах была высказана известными американскими политологами, международниками Джоном Гэддисом, Чарльзом Кегли и Грегори Реймондом. На основе богатого фактического материала они пытались обосновать вывод о возвращении многополярности сразу после развала системы, основанной на противостоянии двух супердержав [196, p.58].

Особого внимания заслуживает идея «постмеждународной политики» известного американского теоретика международных отношений Джеймса Розенау с точки зрения перспектив формирования конструкции многополярного мира. По Розенау постмеждународные отношения по своей сути многополярны. Он выделяет три основных уровня многополярной структуры. «Макропараметр» вмещает в себе две параллельно существующие и сложно взаимодействующие сферы – традиционные межгосударственные отношения и новые транснациональные отношения, представленные «акторами вне суверенитета». «Микропараметр» обеспечивает взаимодействие индивида с миром международной политики. «Реляционный» параметр предназначен для адаптации правительств и международных правительственных организаций к изменяющейся внешней среде. Достоинствами идеи Розенау является выстраивание конкретной модели системообразующих механизмов многополярного мира и выявление такого его характера как гибкость, приспособляемость к переменам среды системы [189, p.43].

Тьерри де Монбриаль, директор Французского института международных отношений (IFRI), считает, что мир становится многополярным и гетерогенным, но в обозримом будущем основные тенденции будут связаны, очевидно, с позицией Соединенных Штатов и «исламским влиянием», построением единой Европы, возвращением России на мировую арену и перегруппировкой Азии вокруг Китая. По его мнению новая многополярность по сравнению с прежними аналогами совсем другая. Если прежние многополярные системы были европейскими, то есть гомогенными, то нынешняя многополярность гетерогенная. «Сказать, что мироустройство гетерогенно – значит признать, что общественно-политические образования, и особенно на фоне их превращения в самостоятельные полюсы, не разделяют в одинаковой степени ценности, заложенные в эпоху Просвещения и безоговорочно признанные Европейским союзом и США», - пишет он [198, с.19].

В российской науке о международных отношениях сложились два течения по вопросам характера современного мироустройства и реальности многополярной системы. Первое рассматривает многополярный мир как действительность и обосновывает наступление такого порядка. К нему можно отнести российского специалиста по международным отношениям О.Н. Быкова, в монографии которого «Международные отношения: трансформация

глобальной структуры» есть глава, название которой говорит само за себя: «Грядущая многополюсность». По его мнению многополюсность естественный, объективный процесс, а не искусственное концептуальное построение. «Сколько говорилось о всесии США, способных будто бы насадить свою глобальную однополюсность. Но разразился иракский кризис (2003 года), и стало совершенно очевидно, что мировую политику нельзя направлять только из Вашингтона. Пришлось принимать в расчет позиции Парижа, Берлина, Москвы, Пекина и столиц многих других государств. Со всей убедительностью заявила о себе формирующая, но уже вполне ощутимая многополюсность» [163, с. 375]. *(О втором течении будет сказано ниже. Автор).*

Российские исследователи Л. Ивашов и И. Кефели видят многополярную структуру в двух вариантах:

1. «Цивилизационная» многополюсная модель, предполагающая структуризацию системы пространственно-силовых отношений, исходя из деления мира на ряд локальных цивилизаций: славяно-православная (евразийская) во главе с Россией, западная во главе с США (возможен раскол на два блока: США – Западная Европа во главе с Германией, исламская цивилизация (пока нет явного лидера), буддистская цивилизация на Востоке (Япония, Китай, Южная Корея), периферийные цивилизации (африканская, латиноамериканская);

2. Региональная многополюсная модель, при которой мир разделен на группы стран, находящихся в географической близости друг от друга и в каждой группе есть «лидер» [233].

Движению мирового сообщества в сторону многополярности способствует регионализация международных отношений. Регионализация в виде высокоинтегрированного Европейского Союза, Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, Содружества Независимых Государств, АСЕАН, Североамериканской зоны свободной торговли, аналогичных образований, зарождающихся в Латинской Америке и в Южной Азии движется в сторону создания реальных центров международных отношений в многостороннем формате.

Идея многополярного мира в некоторой степени приобретает доктринальный характер. Известный российский ученый Е. Примаков в бытность свою министром иностранных дел РФ, уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом В.Путиным в июле 2000 г., среди новых вызовов и угроз национальным интересам России называлась тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. Для противодействия этому предлагалось добиваться формирования многополярной системы международных отношений. «Борьба за многополярное мироустройство представляет собой не противостояние кому бы то ни было, а стратегию последовательных шагов по формированию

новой архитектуры международных отношений», — пояснял российский министр иностранных дел того времени И. С. Иванов [234].

Идея многополярности стала одной из центральных в программных партийных и государственных документах КНР, хотя акцент в них делается, скорее, не на попытке адекватного отражения сути нового этапа международных отношений, а на задаче противодействия реальному или мнимому гегемонизму, недопущения формирования однополярного мира во главе с Соединенными Штатами.

Динамика экономического усиления Китая и повышение его внешнеполитической активности, поиск Японией более самостоятельного, подобающего ее экономической мощи места в мировой политике вызывают подвижки в геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Россия, «восставшая из пепла», активно наращивает свои внешнеполитические ресурсы, с тем, чтобы сказать свое слово в мировой политике. Индия, Бразилия, развивающиеся быстрыми темпами, встраиваются в ряд акторов, оспаривающих первенство у стран «золотого миллиарда».

Как правило, вышеуказанные тренды находят отражения в научной, политической мысли. Тем более, глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 году, уже внес свои корректировки в существующую систему международных отношений. Но соответствует ли действительность теоретическим рассуждениям? С другой стороны, если наступает многополярный мир, то мы должны ожидать от него в условиях нынешней среды международных отношений?

«Формально «Ялтинская система» была попыткой восстановить довоенный мультиполярный мировой порядок, но на практике она заложила основы холодной войны, т.е. биполярной политической системы. Реальный мультиполярный мировой порядок есть система "равновесия силы", система соперничества силы и в этом родственен биполярному мировому порядку. Более того, всякая мультиполярная система в критической ситуации неизбежно трансформируется в биполярную. Иначе говоря, всякая мультиполярная система мирового порядка является латентно биполярной. Отсюда чрезвычайно важный вывод: мультиполярный мир как позитивная альтернатива униполярности есть либо опасное заблуждение, либо стремление заполнить паузу неопределенности на период наращивания потенциала, позволяющего претендовать на место в биполярной системе» [225]. Такой вывод Национальной лаборатории внешней политики Российской Федерации характеризует отношение второго течения (о первом было сказано выше. Автор) в научных кругах России к перспективам многополярного мира. Причем внутри этого течения наблюдаются два подхода: первый считает, что многополярный мир в принципе наилучший вариант для мироустройства, но данный момент он невозможен в силу отсутствия полюсов, равноценных США (например, Богатуров А.Д.); второй подход не приемлет такой порядок, считая его потенциально деструктивным, особенно, для периферийных регионов (например, Яковлев А.Г.) [165, с. 38-39].

Американский исследователь Р. Хаас считает, что в современных условиях возвращение к классической многополярности невозможно и, поэтому, корректно будет говорить о наступлении принципиально новой эпохи в международных отношениях: в XXI столетии основной чертой международных отношений станет бесполярность: доминировать будут не одно, два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире. Новая ситуация коренным образом отличается от той, что была в прошлом, и представляет собой принципиальное изменение расстановки сил. По Хаасу многополярный порядок эпохи глобализации и транснационального мира будет бесполярным порядком, потому, что в сегодняшнем мире сила не сконцентрирована, она все больше рассредоточивается в большей степени в среде «новых акторов» международных отношений [232, с.18].

Другой американский исследователь Р.Роузкранц признавая возможность установления многополярности, указывает на ее негативный, деструктивный характер. Он считает, что с исчезновением сдерживающих, ограничивающих факторов, увеличится количество конфликтов малой интенсивности [197, р.54].

Российский эксперт Владимир Филин в своей статье «Наступает эпоха глобального хаоса» разделяет мнение российских и западных аналитиков о том, что планета вступила в фазу эволюции, которую можно охарактеризовать как «новый многополярный миробеспорядок». Ученые, эксперты на Западе сейчас задаются вопросом: многополярность мира – это хорошо или плохо? И приходят к выводу, что сказать определенно что-нибудь по этому поводу невозможно, хотя бы потому, что сначала необходимо различать многополярный порядок и многополярный беспорядок. При этом, по мнению многих, сегодня в мире царит как раз многополярный беспорядок, а форма нового многополярного порядка пока даже и не просматривается. Соглашаясь с такими доводами, В. Филин считает исходной точкой многополярного хаоса ливано-израильскую войну 2006 года, которая убедительно продемонстрировала радикальные перемены в балансе между традиционными и новыми акторами, невозможность применения прежних инструментов в решении межгосударственных проблем [235].

Не так давно реальность прихода многополярного мира наткнулась на идею американо-китайского «дуополия». Появление в 2008-м году в Соединенных Штатах Америки и Китае публикаций на тему «партнерства равных» и «совместного господства» указывает на возможность создания новых альянсов, способных изменить расстановку сил в глобальном масштабе. Их авторы в духе теории гегемонистской стабильности прочат США и Китаю на роль ведущих супердержав современного мира на паритетной основе. Недаром главным достижением администрации Дж. Буша-младшего считается сближение с Китаем. Также примечательно то, что государственный секретарь при новом президенте США Б. Обаме Х. Клинтон изменив сложившейся традиции посещения главы внешнеполитического ведомства новой администрации в первую очередь Ближний Восток, нанесла визит в страны

Азии, как Китай, Япония, Индонезия и Южная Корея. Находясь в Токио, Х. Клинтон заметила, что для "Японии и США очень важно развивать позитивные отношения с Китаем". "Возможно, это наша самая серьезная задача" [231, с. 18].

Критический анализ настоящей или грядущей многополярной системы международных отношений зарубежными учеными выделяет следующую ее характеристику:

1. Плохая управляемость в из-за рассредоточенности силы на мировой арене и неспособности прежних институтов осуществлять свои функций.

2. Большой диапазон акторов, преобладание акторов вне суверенитета.

3. Конфликтогенность, конфликты частые, но малой интенсивности.

4. Большинство аналитиков считает, что баланс сил, характерный для традиционной эпохи международных отношений, также будет лежать в основе многополярности начала XXI века, а создание принципиально нового механизма урегулирования в ней, основанного на коллективистских, демократических началах, затянется на неопределенное время.

Также считается, что многополярность объясняет скорее форму, чем суть новой системы международного взаимодействия. При определенной автономизации полюсов в западном мире не просматривается появление новых сколько-нибудь радикальных разделительных линий противоборства между Северной Америкой, Европой и АТР. Также при некотором возрастании уровня антиамериканской риторики в российской и китайской политических элитах более фундаментальные интересы обеих держав толкают их на дальнейшее развитие отношений с Соединенными Штатами. Расширение НАТО не усилило центристремительные тенденции в СНГ, чего следовало бы ожидать по законам многополярного мира. Анализ взаимодействия постоянных членов Совета Безопасности ООН, «восьмерки» свидетельствует о том, что поле совпадения их интересов значительно шире области разногласий при всей внешней драматичности последних.

Еще один фактор, препятствующий поляризации международных отношений в рамках многополярного мироустройства, состоит в том, что экономическое благополучие и политическая стабильность многих крупных государств зависят от международной системы. И они соответственно не хотят разрушать миропорядок, который служит их национальным интересам. Эти интересы тесно связаны с идущими через границы потоками товаров, услуг, людей, энергоресурсов, инвестиций и технологий – потоками, в обеспечении которых Соединенные Штаты играют очень важную роль. Интеграция в современный мир ослабляет возможность конкуренции и конфликтов между традиционными и новыми акторами.

Консолидации отдельных стран вокруг центров притяжения сил регионального или глобального масштабов мешает тот факт, что у многих государств есть свои «скелеты в шкафу», которых они хотели бы прятать дальше при помощи далекого, но надежного покровителя. Статус-кво, поддерживавшееся поныне, позволяло «заморозить» многие территориальные споры, межгосударственные проблемы, мешая тем самым их

цивилизованному решению, налаживанию и развитию регионального сотрудничества. Сложившаяся система межгосударственных, мирохозяйственных связей несмотря на всю асимметричность, деформированность в угоду определенным силам, все же позволяла развивающимся странам извлечь выгоду, укрепиться экономически. Считается, что в этом плане особо преуспел Китай.

Наряду с выявлением негатива, многие исследователи отмечают достоинства многополярного мироустройства. Как было отмечено выше известный американский теоретик международных отношений Дж. Розенау обосновывает гибкость, приспособляемость многополярности к переменам среды системы [189, p.81]. Российский исследователь Клепацкий Л. Н. считает, что многополярность в ее разнообразных измерениях представляет реальную платформу обеспечения баланса интересов участников мирового процесса. Он также отмечает такую особенность современной трансформации в сторону многополярного мира, как ее способность корректироваться членами мирового сообщества [237].

Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в своем выступлении на XI-съезде Ассоциации Евразийских университетов в Астане в марте 2009 года говорил о том, что одним из важнейших последствий глобального экономического кризиса является наступление многополярной системы международных отношений.

Многополярная система предстает из себя среду, полную неожиданностями, новыми вызовами и угрозами, также надеждами. Последствия влияние такой среды на внешнюю политику Республики может быть следующих вариантах:

- В связи с поляризацией в процессе системообразования по типу многополярности многовекторная политика РК подвергнется пересмотру. Стране придется определиться с кем быть. Возможно, даже речь пойдет о том, чьим сателлитом быть, если учесть соседство с двумя гигантами мировой политики, которым отводится роль центров притяжения сил в новом мироустройстве. Такой вариант возможен при установлении многополярности традиционного типа, где структура системы будет построена на балансе сил и соперничестве между полюсами.

- Демократизация международных отношений, развитость международных институтов в современную эпоху придадут урегулируемость, коллективизм наступающей многополярности. В таком «демократичном» многополярном мире Казахстану удастся поддерживать позицию равноудаленности от всех полюсов, включая Россию и Китай, и сохранить за собой право выбора приоритетов во внешней политике. Использование регионализма, одного из источников многополярности, даст возможность стране упрочить свое положение в региональном и глобальном масштабах [238].